

О. А. Туфанова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия.
tufoa@mail.ru

«НЕГЕРОЙСКИЕ» ГЕРОИ: КУЗЬМА МИНИН И КНЯЗЬ Д. М. ПОЖАРСКИЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

На основе анализа фрагментов, посвященных Минину и Д. М. Пожарскому, делается вывод о том, что в исторических повествованиях первой трети XVII в. авторы практически отказываются от использования оценочных эпитетов, сравнений, метафор. Главным способом создания образов становятся реалистические мотивы сбора казны, раздачи жалования, патриотизма, действенного милосердия и др., традиционные приемы героизации и поэтизации отсутствуют. Большинство авторов выдвигает на первый план идею единения ратных и руководителей, служение великой цели и благородное поведение.

Ключевые слова: Кузьма Минин, князь Д. М. Пожарский, реалистические мотивы, приемы депоэтизации и дегероизации

«В блестящей плеяде борцов за независимость Русского национального государства, — писал Р. Г. Скрынников, — Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому принадлежит свое особое место. Их имена навсегда связаны с подвигом, который совершил русский народ во имя освобождения родины в 1612 году» [Скрынников, с. 5]. Как отмечали А. В. Кузнецов и А. В. Морохин в обобщающем историографическом труде «Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени», их деяния принято рассматривать «в связи с преодолением социокультурного, политического кризиса в России начала XVII в. и со спасением страны, судьбоносным утверждением новой династии и изгнанием интервентов» [Кузнецов, Морохин, с. 10]. Начиная с XVIII столетия в трудах отечественных историков сложилась «патриотическая» традиция «освещения истории ополчения под предводительством Минина и Пожарского» [Кузнецов, Морохин, с. 18], во многом опирающаяся на труды И. И. Голикова (1734–1801) [Голиков, с. 443–486] и продолженная в историографии XIX, XX и XXI в.

Круг источников первой трети XVII в., в которых описывается история народного ополчения и на основе которых его организаторы Кузьма Минин и князь Д. М. Пожарский объявляются героями, довольно скуден. Специфика рассказывания о событии и способы изображения героев позволяют разделить эти памятники на две группы. К первой группе относятся Пискаревский летописец, Хронограф 1617 г., «Иное сказание», «Летописная книга» С. И. Шаховского, «Рукопись Филарета», Бельский летописец, в которых содержится весьма краткий рассказ об истории ополчения и наблюдается непривычный для древнерусской литературы, почти безоценочный способ изображения героев. Ко второй группе можно отнести «Новый летописец», в котором история ополчения излагается, по сравнению с другими летописными памятниками, довольно подробно, и «Повесть о победах Московского государства», отличающуюся от других источников развитой системой эпитетов, применяемой к героям. Ни одного произведения, специально посвященного Минину и Пожарскому, собранному ими ополчению, нет.

В данной статье мы остановимся на способах изображения Минина и Пожарского в первой группе памятников, поскольку они представляют собой довольно любопытное явление.

Прежде всего необходимо отметить, что, за исключением Бельского летописца, в рассматриваемой группе на первый план авторы выдвигают фигуру Кузьмы Минина.

В Хронографе 1617 г. рассказ о Минине предвращается почти апокалиптическим контекстом, обусловленным смертью другого защитника Русской земли — Прокопия Ляпунова: «И бысть

тогда велико уныние и мятежь во всей земли Русьстей»¹. И далее автор многократно при общем лаконизме повествования отмечает, что Минина даровал Господь тем, кто его призывал (соответствующие места подчеркнуты): «Но есть бог близ всѣмъ, призывающимъ его. Воистиннѣ по великой возпростираемѣй убо милости своей даруетъ ко здравію врачевание. Воздвизаетъ бо нѣкоего от христианска народа, мужа от рода неславна... его же прозваниемъ нарицаху Козма Мининъ, художествомъ бяше преже говядарь»².

Аналогичным образом реализуется мотив участия Бога в выдвижении представителя из простого народа в «Пискаревском летописце»: «И неким смотрением божіим лета 7120-го в Нижнем Новгороде некий торговый человек от простых людей, имянем Козма, прозвище Минин... почал советовати с своєю братьєю с нижегородцы з гостями и с торговыми людьми, и со всякими: како бы им пособити Московскому государству»³.

В других памятниках наблюдается иное сочетание мотивов. Практически все авторы начинают рассказ о Минине с упоминания о его неродовитости, при помощи различных деталей заостряя внимание на том, что он представитель народа, который воспринял «велемудрое разумѣніе». Так, в «Летописной книге» С. И. Шаховского читаем: «В то же время человекъ нѣкий в Нижнемъ Новѣгороде убогою куплею питаюся, сирѣчь продавецъ мясу и рыбе в требанія и в снѣдь людемъ, имя ему Кузма. Той же Кузма отложи свое дѣло и восприемлет велемудрое разумение и смыслъ...»⁴. Почти дословно эта характеристика повторяется в «Рукописи Филарета»⁵ и в Пискаревском летописце: «мужа от рода неславна, но смысломъ мудра»⁶. Мудрость, направленная на защиту Московского государства, для всех авторов оказывается важнее родовитости, многие из них подчеркивают, что Минин не воин, не воевода, не князь, а торговец, человек из простого народа, который «смыслом мудр» (Хронограф 1617 г.)⁷, «восприемлет велемудрое разуміе и смыслъ» («Летописная книга», «Рукопись Филарета»)⁸, «смьшлен и язычен» (Пискаревский летописец)⁹.

И только в одном памятнике — Бельском летописце — Минин упоминается после князя Д. М. Пожарского. Но и здесь автор отмечает его неродовитое происхождение: «...да от молодчих от торговых людей с ним посацкой человек нижегородец Кузьма Минин...»¹⁰.

Не менее важен при создании образа Минина для ряда авторов мотив скорби и болезни души по поводу страданий русских людей и в целом Московского государства. Так, автор Хронографа 1617 г. пишет: «Видѣ тогда насилуемы многи и зѣло оскорбися и поболѣ Зоровавелски душею за люди господня, всемогущаго бога на помощь призва и молву безчисленных печалей на ся приять»¹¹. Минин изображается как печальник за людей, который искренне переживает душой и сердцем людские бедствия. Патриотизм и действенное милосердие Минина подчеркиваются сравнением с предводителем первого отряда иудеев из Вавилонского плена в Иерусалиме Зоровавелем (1 Езд 2: 64, 65), предваряющим рассказ о его созидательной деятельности в деле грядущего освобождения Москвы. Однако развития данное сравнение не получает, явных и скрытых параллелей не обнаруживается; очевидно, автор Хронографа 1617 г. использует традиционный прием укрупнения и возвышения персонажа, но за счет отсутствия полноценной реализации

¹ Из Хронографа 1617 года // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 352.

² Там же. С. 352.

³ Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 217.

⁴ Шаховской С. И. Летописная книга // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 414.

⁵ Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси. М., 1837. С. 55.

⁶ Пискаревский летописец. С. 352.

⁷ Из Хронографа 1617 года. С. 352.

⁸ Шаховской С. И. Летописная книга. С. 424; Рукопись Филарета... С. 55–56.

⁹ Пискаревский летописец. С. 217.

¹⁰ Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 259.

¹¹ Из Хронографа 1617 года. С. 352–354.

уподобления это сравнение воспринимается как дань традиции, а не как способ героизации и поэтизации личности Минина.

В Пискаревском летописце мотив патриотизма и действенного милосердия распространяется не только на Минина, но и на всех нижегородцев: «И почал советовати с своею братьею с нижегородцы з гостьми и с торговыми людьми, и со всякими: како бы им пособити Московскому государству»¹². Сравнение с библейским персонажем отсутствует, образ не героизируется и не выделяется еще из общей народной массы.

В «Летописной книге» С. И. Шаховского мотив патриотизма и действенного милосердия представлен еще более скупой и выражен через конкретное действие: «Той ж Кузма отложи свое дѣло...»¹³. Аналогично в «Рукописи Филарета»: «Той жъ Козму отложаше своей вещи дѣло...»¹⁴.

В Бельском летописце мотив отсутствует вовсе.

Примечательно, что мотивы мудрости и патриотизма — это два традиционных мотива, которые используются в памятниках эпохи Смутного времени для создания положительных образов защитников Русской земли. Именно эти мотивы, как правило, применяли авторы для характеристики, например, Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, Прокопия Ляпунова. Но если в отношении воевод эти приемы служили средством героизации и поэтизации образов, то в случае с Кузьмой Мининым эти положительные мотивы служат не для поэтизации, а для объяснения дальнейших его действий, имеющих сугубо практический характер. Почти все авторы пишут далее о том, что он, уповавая на Божью помощь, начинает собирать казну для организации войска. Авторы подчеркивают его разумный, рационалистический подход к решению общерусской проблемы. Практический склад ума, род занятий обусловили четкий, последовательный план действий. На первом этапе главным было собрать казну, ибо есть деньги — есть войско. Не случайно все авторы уделяют этому факту большое внимание, правда, с разной степенью детализации. Так, в Хронографе 1617 г. мотив сбора казны тесно связан с мотивом раздачи жалованья ратным: «Собравъ убо от народа многая сокровища сребра, и одари люди ратныя оброки доволными»¹⁵. В «Рукописи Филарета» и в «Летописной книге» эти мотивы также связаны, но авторы детализируют, как с помощью денег Минин собирает войско: «... уроки многия собираеть и изыскуеть во градѣ людей воинскихъ, которые избыша отъ посѣченія иноплеменныхъ, и сихъ изыскуеть, жаждущая сердца ихъ утоляеть, наготу ихъ прикрываеть, и на кони ихъ высаждаетъ, и сими дѣлы собираеть воинство не мало»¹⁶.

В Пискаревском летописце мотивы, столь же тесно сопряженные, представлены более развернуто, им предшествует упоминание о том, что Кузьма Минин занимался сбором казны и раздачей жалованья «по некоему божию смотрению и по своему умышлению»¹⁷: «...и почал в Новгороде казну збирати з гостей и с торговых людей, хто чего стоен: с ыного рубль, с ыного пять и шесть, с ыного десять и дватцать, и пятьдесят, и сто, и двести, и триста, и пятьсот, и тысячу, и болшыи. И свою казну дал тут же всю. И почал давати ту казну бедным разорении людям: бояром и дворяном, и детем боярским, и казаком, и стрельцом, и всяким ратным людем. ...И почали к нему съезжаться в Нижней Новгород и со всего Московсково государства бояре, и стрельцы, и всякие служилые люди. А тот Козьма почал жалованье давати, хто чего достоин. ...и тут к нему почали и достальные люди съезжатца: бояре и дворяне, и дети боярские всяких розных городов. И тот Козьма по тем по всем городом повольским и поморским почал казну збирать з

¹² Пискаревский летописец. С. 217.

¹³ Шаховской С. И. Летописная книга. С. 414.

¹⁴ Рукопись Филарета... С. 55.

¹⁵ Из Хронографа 1617 года. С. 354.

¹⁶ Рукопись Филарета... С. 56; Шаховской С. И. Летописная книга. С. 414.

¹⁷ Пискаревский летописец. С. 217.

гостей и со всяких торговых людей, и жалованье почал давать и поруки иметь, что им служба служить и з [с]лужбы не збежать»¹⁸.

Автор Пискаревского летописца использует в данном случае прием перечней, благодаря которому возникает ощущение масштабности и всеохватности деятельности Минина по сбору средств для войска. Это перечни тех, с кого он собирает казну; перечень-конкретизация, какую «казну» собирал, в виде последовательного перечисления числительных; перечень тех, кто стал приезжать в Нижний Новгород; наконец, перечень тех, кому потом давал жалованье. С этой же целью, очевидно, в тексте повторяются определительные местоимения обобщающего характера: «...со всяких тамошних житейских людей... и всяким ратным людем... всякие служилые люди... всяких розных городов... по всем городом...»¹⁹. Эти приемы свидетельствуют не только о размахе деятельности Кузьмы Минина, решившего «пособити Московскому государству», но и об использовании приемов депоэтизации, дегероизации образа Минина, нивелирующих поэтико-героическое звучание мотивов мудрости и патриотизма.

В Бельском летописце и вовсе выпущен мотив сбора казны, автор использует только мотив раздачи денежного жалованья, причем делает это Минин не один, а вместе с Д. М. Пожарским, имя которого стоит на первом месте: «И учили им давать князь Дмитрей Михайлович Пожарской да Кузма Минин многие столовые запасы и денежное великое жалованье по тритцати по пяти рублев, смотря по человеку и по службе своим презрением, и учинили ратных людей сытых и конных, и вооруженных, и покойных, и запасных»²⁰. На первый план здесь выдвинута сама идея сбора боеспособного войска посредством денежного жалованья ратным. Ни Минин, ни Пожарский при этом не удостаиваются каких-либо положительных характеристик, автор просто констатирует факт: раздали жалованье — и собрали войско. Ни прямых, ни косвенных оценок автор не дает Минину и Пожарскому, следовательно, не приходится говорить о том, что он воспринимает их поступок как героический в сложившихся условиях.

Таким образом, мотивы сбора казны и раздачи жалованья ратным подчеркивают «велемудрое разумие» Минина и Пожарского, но вместе с тем депоэтизируют и дегероизируют их образы, ибо они ведут себя в высшей степени разумно, но не героично.

За исключением Бельского летописца, во всех текстах активно действует Кузьма Минин, проявляя инициативу и вдохновляя своими идеями нижегородцев, а князь Д. М. Пожарский оказывается ведомым на первом этапе организации народного ополчения и, более того, приглашенным участвовать в «великом деле». Так, в Пискаревском летописце отчетливо звучит мотив выбора военачальника: Минин «почал всем градом выбирати к тем ратным людем воеводу»²¹. Согласно Хронографу 1617 г., Минин, собрав многие полки, сам уговорил князя Д. М. Пожарского стать во главе войска: «И сице собра польки многия и военачальника изкусна во бранехъ — князя Дмитрея Михайловича Пожарского над всѣми быти совосприподоби»²². Минин уговаривает князя и поручает тому собранное войско и в «Летописной книге», и в «Рукописи Филарета»: «Той же Кузма, слышавше о нем, посылает послов своих, да молят его дабы ѣхал в великий Нижний Новгород, и поручает ему все собранное войско»²³.

Далее во всех рассматриваемых памятниках князь Д. М. Пожарский и Кузьма Минин изображаются как два единомышленника, но образ Минина разработан лучше, чем образ князя Д. М. Пожарского.

Например, в Хронографе 1617 г. содержится лаконичная и довольно обобщенная характеристика князя как военачальника «изкусна во бранехъ», который «никогда отлучаяся, аки

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бельский летописец. С. 259.

²¹ Пискаревский летописец. С. 217.

²² Из Хронографа 1617 года. С. 354.

²³ Шаховской С. И. Летописная книга. С. 414–416; Рукопись Филарета... С. 56.

древний Гедеонъ всѣхъ сердца на супротивныя укрѣпляя. И тако со многими вои под Москву приде и благимъ добронравиемъ своим, аки солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ военачальники совокупи, и всѣхъ храбрыхъ благочестиваго воинства во едино собра»²⁴. Для характеристики князя используется образ библейского героя Гедеона, который, исполняя волю Господа, победил мадианитян²⁵. Нигде более в тексте, в повествовании о Смуте, не встречается подобное сравнение. Оно избрано специально для характеристики князя Д. М. Пожарского как удачливого полководца, десница которого оказалась непобедима «содѣтелевымъ промысломъ»²⁶. И сравнение с Гедеоном здесь играет важную, но неоднозначную роль.

С одной стороны, таким способом автор показывает, что Пожарский исполнял Божью волю, и, соответственно, он вроде бы его возвеличивает, указывая, хоть и скрытно, на избранность князя. С другой стороны, его образ неочевидным способом снижается, если вспомнить, что до того, как Господь отправил ветхозаветного героя на битву с мадианитянами, он «выколачивал... пшеницу в точиле» (Суд 6: 14), то есть явно не собирался этого делать сам и был призван Ангелом Господним на служение. Точно так же и Пожарский был призван Мининым на служение и исполнил свое предназначение. Но исполнил так, что ему поверили. Поверили, поскольку он никуда не отлучался от войска и «благимъ добронравиемъ» объединил разрозненные силы для борьбы с врагом. При этом автор Хронографа 1617 г. не показывает князя Пожарского в бою, не характеризует его как воина. Главное для него другое — личное присутствие, личный пример и добронравие, которые укрепили сердца ратных «на супротивныя».

Более того, рассказ об освобождении Москвы и Кремля сводится в Хронографе 1617 г. к лаконичной констатации факта, и главным действующим лицом здесь выступает не князь Д. М. Пожарский, а русские воины: «...приступиша тогда со устроенными на брань орудми ко стѣнамъ града и прияша вои русьския паки Москву в лѣто 7121-го, октября въ 24 день... Потом же и крѣпкий Кремль градъ прияша и множество полскихъ и литовьскихъ людей побиша...»²⁷.

Таким образом, положительная характеристика князя Пожарского в Хронографе 1617 г. носит условный характер, выбор падает на него, поскольку он искусный в бранех полководец. Но отсутствие рассказа о его действиях как полководца заставляет предположить, что настоящими героями для автора были отнюдь не Минин и Пожарский, а русские воины. Руководители же народного ополчения честно и дерзновенно исполнили Божью волю и дарованы были «ко здравии»²⁸.

В Бельском летописце князь Д. М. Пожарский и Кузьма Минин изображаются как два единомышленника, которые постоянно действуют вместе, при этом имя князя всегда стоит на первом месте, какие-либо характеристики, авторские комментарии отсутствуют. И весь рассказ об их деятельности и личностях сводится к тому, что они сначала «учали збиратца», а затем шли то в один город, то в другой.

Автор Бельского летописца не устает повторять раз за разом на сравнительно небольшом интервале текста полностью имена князя Д. М. Пожарского и Кузьмы Минина. Они постоянно находятся в движении, и это неустанное движение становится их своеобразной совместной характеристикой. При этом только однажды автор Бельского летописца отступает от принципа минимализма, когда повествование о конкретном историческом событии максимально освобождается от каких-либо авторских комментариев и характеристик, факт оказывается важнее сопутствующих рассуждений, и дает опять же общую, одну на двоих, характеристику: «И слыша их строение

²⁴ Из Хронографа 1617 года. С. 354.

²⁵ «Господь, воззрев на него, сказал: иди с этою силою твоею и спаси Израиля от руки Мадианитян; Я посылаю тебя. [Гедеон] сказал ему: Господи! как спасу я Израиля? вот, и племя мое в [колоне] Манасенином самое бедное, и я в доме отца моего младший. И сказал ему Господь: Я буду с тобою, и ты поразишь Мадианитян, как единого человека» (Суд 6: 14–16).

²⁶ Из Хронографа 1617 года. С. 354.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 352.

и доброту ко всем служилым людям, многая рать к ним в Ерославль собралась и учала быть вельми стройна и покойна»²⁹. Однако данная характеристика появляется в тексте, очевидно, в связи с необходимостью объяснить, как удалось Пожарскому и Минину собрать большую рать, почему люди поверили им и почему они стояли в Ярославле до лета. Как видим, мотив доброты по отношению к ратным, звучавший в Хронографе 1617 г., повторяется и в этом памятнике, и опять в связи с объяснением, как удалось собрать «многая рать». При этом автор не разделяет Минина и Пожарского, подчеркивая косвенно согласие в их действиях.

Любопытно, что далее в тексте именная «цепочка» увеличивается, но автор, называя имена воевод, тех, кто руководил действиями ополчения, не выделяет особо никого. Так, описывая приход гетмана Хоткевича под Москву, он пишет: «И Московского государства бояре и воеводы князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да князь Дмитрий Михайлович Пожарской, да Иван Заруцкой, да Козма Минин со всеми ратными людьми... встретили его, гетмана Хоткевича, под Москвою... и был с ними бой велик зело. И... побили и языки поймали и запасы все от них отбили»³⁰. Аналогичным образом в Бельском летописце рассказывается об освобождении Китай-города: «...Московского государства бояре и воеводы князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да князь Дмитрий Михайлович Пожарской с товарищы и со всеми Московского государства ратными людьми город Китай приступом взяли и польских и литовских людей много побили и живых поимали»³¹.

Автор ни разу не нарушает избранную в начале повествования об этом периоде Смуты иерархию и строго ее придерживается: бояре — князья-воеводы — воевода (может упоминаться, а может и отсутствовать имя) — посадский человек — ратные. Никому из них не отводится первостепенной роли, летописец подчеркивает, что действуют они сообща. Не случайно в начале рассказа о совместных действиях князя Пожарского и Минина приводится целый перечень тех, кто начал «сбираться» вместе с ними: «...[с] смоляны, и з беляны, и з дорогобужаны, и вязмечи, и брянчаны, и с рославцы, и с ыными со многими с порубежными с разоренными городами»³². Далее автор уже не конкретизирует, кто принимал участие в решающих судьбу страны событиях, но методично отмечает: «со всеми ратными... многая рать... со многою силою... со всеми ратными людьми... со всеми Московского государства ратными людьми... все ратные люди Московского государства...»³³. Данный факт, очевидно, свидетельствует о том, что и в сознании автора Бельского летописца, как и в представлении автора Хронографа 1617 г., битва за Москву стала всенародным делом, когда на борьбу с врагом поднялись из последних сил все «разоренные» города. И, несмотря на церемониальное и дотошное постоянное перечисление имен руководителей ополчения, их роль в деле освобождения Москвы весьма условна, их имена как руководителей достойны запечатления в истории, но сами их личности не героизируются и не возвеличиваются.

Единственная доминантная характеристика всех руководителей ополчения в памятнике — это их вера. Так, князь Д. М. Пожарский и Кузьма Минин, придя под Москву, «призывая бога на помощь и пречистую богородицу, скорую помощницу... учинили литовским людям... тесноту...»³⁴. Накануне боя с гетманом Хоткевичем они вместе с другими руководителями ополчения «прося у бога милости и у пречистыя богородицы и у всех московских чудотворцов»³⁵ — и побили его. Завершая краткий рассказ об освобождении Кремля и Китай-города, автор пишет:

²⁹ Бельский летописец. С. 259.

³⁰ Там же. С. 261.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 259.

³³ Там же. С. 259–261.

³⁴ Там же. С. 259.

³⁵ Там же. С. 261.

«И тако очистил бог дом пречистые Богородицы вселенской и всех московских чудотворцов от безбожные литвы»³⁶. Наконец, автор замечает: «И тут ему, королю Жигимонту, ведомо учинилось, что Московское государство бог очистил...»³⁷.

В Бельском летописце мы не найдем подробного рассказа о битве за Москву, Кремль, вместо этого автор приводит текст пространный тайного обращения-поучения патриарха Гермогена «к боярам и к воеводам, и ко всем служилым людям» (та же иерархия, но без имен), в конце которого он говорит: «И поборает по нас господь сам бог...»³⁸. Отсюда становится, на наш взгляд, понятна и главная мысль автора. Победа над врагом одержана благодаря помощи Бога, Богородицы и всех святых; бояре, князья-воеводы (и среди них Пожарский), посадский человек Минин и ратные лишь орудие Божьей помощи, исполнители молитв всего пострадавшего народа.

Идея всеобщего единства русских людей в борьбе с врагом важна и для автора Пискаревского летописца. Используя прием коротких перечней, а также местоимения обобщающего характера, указывающие на всеобщность, всеохватность, он изображает Пожарского среди людского множества: «...и тут к нему (Пожарскому. — О. Т.) почали и достальные люди съезжатца: бояре и дворяне, и дети боярские всяких розных городов. И тот Козьма по тем по всем городом повольским и поморским почал казну збирать з гостей и со всяких торговых людей... Да в то же время в Ярославле и под Москвою, и в городах крест целовали бояре и дворяне, и казаки, и стрельцы, и всякие служивые и желецкие люди...»³⁹; Пожарский пошел под Москву «со многою силою»⁴⁰. То же — в рассказе о борьбе за Москву: «...совокупяся все бояре и воеводы тмочисленными полки Московского государства, литовских людей побили и языки многия поймали... И город взяли...»⁴¹. И в этом памятнике победителем выступают «тмочисленные полки», при этом автор даже не удосуживается конкретизировать имена руководителей ополчения, говоря о них предельно обобщенно: «все бояре и воеводы»⁴².

Таким образом, автор Пискаревского летописца, можно сказать, и вовсе отказывает князю Д. М. Пожарскому в героизме и упоминает его имя потому, что его выбрали вместе с Мининым нижегородцы и он был в числе тех, кто освобождал Москву. Для него, так же как и для авторов Хронографа 1617 г., Бельского летописца, главным героем-освободителем Москвы и в целом Русской земли является народ.

В «Летописной книге» С. И. Шаховского и в «Рукописи Филарета», в отличие от других памятников, содержится любопытный мотив поиска ратных, которые избежали смерти от интервентов. Так, Кузьма Минин, собирая большие налоги, одновременно «изыскует во граде людей воинских, каторья избыша от посечения иноплеменных»⁴³. Среди них оказывается князь Д. М. Пожарский, о котором С. И. Шаховской пишет: «В то ж время случися быть князю Дмитрею Пожарскому на селѣ своемъ, от разорения московского избѣжавшу, понеже раненъ бысть, и от тоѣ раны закоснѣвшу ему на селѣ своемъ»⁴⁴. Согласно тексту, князь Д. М. Пожарский случайно оказался в поле зрения Минина, который «слышавше о нем, посылает послов своих, да молят его, дабы ѣхал в великий Нижний Новгород и поручает ему все собранное воинство»⁴⁵. Как видно из приведенных примеров, и в этом памятнике отсутствует характеристика князя, но содержится объяснение, что он делал в своем селе во время «разорения московского».

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 259–260.

³⁹ Пискаревский летописец, С. 217.

⁴⁰ Там же. С. 218.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Шаховской С. И. Летописная книга. С. 414.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 414–416.

Далее С. И. Шаховской рассказывает буквально в трех предложениях о действиях князя Пожарского: «Той же князь Дмитрей *прошения их* радостно восприемлет и дѣлу толика вещи направляет себя охотно... И посемь воинство пространное собирает, и поидоша с ними до града Ярославля, и ту стояху время не мало»⁴⁶. С. И. Шаховской изображает князя человеком, который с радостью посвящает себя важному делу. Косвенно из контекста следует, что между Мининым и Пожарским было строгое распределение забот. Минин собирал казну для ратных и обеспечивал всем необходимым войско — это его дело: «...уроки многие собирает... и жажущая сердца их утоляет, и наготу их прикрывает — и сими *дѣлы* собирает воинство не мало»⁴⁷; «Той же Кузма о *своемъ дѣле* непрестанно попечение имѣя, во всѣ грады Росѣйского царства посылает, множества сребра збирает и раздает воинству в пребывание»⁴⁸. Дело Пожарского — руководство ратными. Ему «поручает» Минин «все собранное войско», которое Пожарский, придя в Нижний Новгород, доукомплектовывает («воинство пространно собирает»). Затем князь вместе с Мининым и войском приходит к Москве и выходит на «брань смертную» с гетманом Хоткевичем.

Далее С. И. Шаховской ни разу не упоминает имена Пожарского и Минина. Судя по тексту, их главным делом было собрать боеспособное войско и привести его к Москве, что они с успехом и сделали. При этом более подробно говорится о деяниях Минина, и именно его Шаховской характеризует как человека, который «восприемлет велемудрое разумие и смысл»⁴⁹. Князь Д. М. Пожарский не получает даже минимальной характеристики, что резко контрастирует в тексте с хвалебными эпитетами, которыми автор сопровождает, например, имя Прокопия Ляпунова: «И тако паде мертвъ на землю славный сей бодренный воевода Прокофей. ...начальный воевода московского воинства, изрядный властель, предан от своих смерти...»⁵⁰. По отношению к князю Пожарскому Шаховской единственный раз использует социальную характеристику — «Московского ж воинства воевода и начальник...»⁵¹, — подобную той, которую он применяет по отношению к князю Дмитрию Трубецкому и Ивану Заруцкому: «Московстии ж начальницы и воеводы, князь Дмитрей Трубецкой и Иванъ Заруцкой...»⁵², — указывающую на должность и род деятельности, но не выражающую авторского отношения к тем, к кому она применяется.

Отсутствие даже оценочных эпитетов, не говоря уже об отсутствии других характеристик, является в «Летописной книге» своеобразным приемом, косвенно выражающим авторское отношение к героям. Если Ляпунов удостоивается положительных эпитетов (Шаховской явно симпатизирует ему, восхищается им как воеводой), то иные московские предводители, чьи имена оставлены без комментариев, очевидно, не вызывают у него подобных эмоций. Они, исходя из меняющихся обстоятельств, выводят войска на бой, автор использует для сообщения об этом почти одни и те же выражения: Пожарский «со всѣми полки своими приходит на брань»; Трубецкой «с полки своими с казаки приходит на брань»⁵³.

Во всех случаях мы видим обобщенный образ воевод и предводителей, которые организуют освобождение Москвы, но нигде почти не характеризуются, в отличие от воинов объединенного московского ополчения, от поляков. И в этом памятнике мы видим, несмотря на пространность рассказа об освобождении Москвы, тот же принцип изображения, ту же идею, что и в Хронографе 1617 г., и в Бельском летописце, и в Пискаревском летописце, и то же отношение к князю Д. М. Пожарскому с той лишь разницей, что в этом тексте заслуги воеводы и вовсе не удостоиваются

⁴⁶ Там же. С. 416.

⁴⁷ Там же. С. 414.

⁴⁸ Там же. С. 416.

⁴⁹ Там же. С. 414.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 416.

положительных оценок, в отличие от деятельности Минина, который очевидным образом вызывает уважение автора. Князь — фигура более пассивная, нежели продавец мяса и рыбы, его образ практически не разработан, хотя и образ Минина не поэтизируется в «Летописной книге». Вместе с тем однозначно утверждать это тоже неверно, так как в «Летописной книге» воеводы и руководители московского ополчения, их действия постоянно находятся под пристальным вниманием автора, а поскольку одним из руководителей московского ополчения был Д. М. Пожарский, то данная характеристика может быть распространена и на него. Но это весьма косвенная оценка, индивидуальной характеристики в тексте нет.

Подведем итоги.

1. В большинстве памятников инициатором создания ополчения выступает Кузьма Минин. И это отнюдь не случайность. Во всех текстах, за исключением Бельского летописца, главная роль в «очищении Московского государства» отводится не начальникам и воеводам, а ратным и простому народу. Вдохновить людей, измученных годами интервенции и гражданской войны, очевидно, мог только представитель народа, не запятнавший свое имя «изменой», готовый отстать от своего дела и полностью посвятить себя освобождению Московского государства [Забелин, с. 11]. Таковым и явился Кузьма Минин, поэтому его образ в анализируемой группе памятников разработан лучше, нежели образ князя Пожарского, что нашло отражение и в немногих оценочных характеристиках, и в рассказе о его деяниях.

2. В исторических повествованиях первой трети XVII в., во фрагментах, посвященных Кузьме Минину и князю Д. М. Пожарскому, наблюдается сочетание традиционных и новаторских приемов и способов создания образов. Авторы практически отказываются от использования оценочных эпитетов, сравнений, метафор, комментариев и выстраивают характеристики героев путем рассказа о конкретных деяниях, поэтому главным способом создания образов становятся реалистические мотивы сбора казны, раздачи жалованья, патриотизма и действенного милосердия и др. Но благодаря их качественному содержанию у читателя формируется положительный образ организаторов народного ополчения.

3. В широком смысле героическое, отмечал Р. Л. Красильников, — это «репрезентация в литературе самоотверженного преодоления человеком себя, выхода за рамки своих возможностей во имя высокой (не низменной) цели, зачастую требующего от индивида смерти и осмысляемого как подвиг лишь после гибели» [Красильников, с. 73]. Кузьма Минин и князь Д. М. Пожарский подчинили свои деяния высокой цели «очищения Московского государства», явив «героизм исторической миссии», по терминологии П. А. Сапронова. Но современники событий 1611—1612 г. не им отводят главную роль в «очищении Московского государства». Об их «радении» пишут все авторы, но ни один из них не использует традиционные приемы и способы героизации и поэтизации, отдавая предпочтение принципу обобщенного документализма и выдвигая на первый план идею единения ратных и руководителей, служение великой цели и благородное, достойное поведение.

П. А. Сапронов в работе «Феномен героизма» обратил внимание на то, что герой, «как и святой, только после смерти совершенно становится героем. Пока он жив, баланс героического и негероического в нем колеблется и не предрешен. Одна смерть ставит все на свои места» [Сапронов, с. 72]. Ранняя смерть от рук завистников сделала абсолютным героем в глазах современников князя М. В. Скопина-Шуйского, что нашло отражение в памятниках эпохи. Иначе сложилась судьба Кузьмы Минина и князя Д. М. Пожарского, эта участь их миновала и, как ни странно, лишила героического ореола в глазах современников. И если в Утвержденной грамоте об избрании Михаила Романова «взятие Москвы» еще «описывается как именно их (вместе с Трубецким) подвиг», то к концу XVII в., согласно «Большой Государственной книге» 1672 г.,

«просто свершилась воля Божья» [Эскин, с. 216]. И даже «народное воображение» не было так уж сильно потрясено подвигом Минина и Пожарского, чему доказательство — отсутствие песен о них, как современных событиям, так и более поздних» [Эскин, с. 217].

Вместе с тем феномен героического не исчерпывается своим соотношением с проблемой смерти, он, по мнению В. Е. Хализева, многообразен, и не последнюю роль в этом многообразии играют исторические и психологические факторы [Хализев, с. 75–76]. В большинстве летописных текстов первой группы авторы довольно быстро от рассказа о действиях Минина и Пожарского переходят к обобщенному повествованию о действиях ратных и к собирательному образу начальников. Вполне вероятно, что в этих памятниках начинают формироваться новые для древнерусской литературы принципы рассказывания о важнейших исторических событиях, кардинально меняющих судьбу страны. Авторы, отказываясь от оценок и прямых характеристик, предоставляют читателю свободу и одновременно таким способом выводят на первый план нового героя — народ, по-прежнему безликий, но великий в служении высокой цели.

Таким образом, в исторических повествованиях первой трети XVII в., во фрагментах, посвященных завершающему этапу Смуты, по-разному акцентированная и реализованная, господствует новая идея: судьбу страны решают не столько единичные личности, сколько народ, ведомый достойными людьми. Именно такими руководителями и были Кузьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский в изображении авторов XVII в. И потому их личности не поэтизируются, а деяния не героизируются. Они действительно «негеройские» Герои в литературе первой трети XVII столетия.

Литература

- Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1840. Т. XII. 620 с.
- Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883. 329 с.
- Красильников Р. Л. К проблеме героического в теории и истории литературы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 2. С. 70–80.
- Кузнецов А. А., Морохин А. В. Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/opolch.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
- Сапронов П. А. Феномен героизма. СПб., 2005. 509 с.
- Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981. 352 с.
- Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2005. 406 с.
- Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. 384 с.

References

- Eskin, Iu. M. Dmitrii Mikhailovich Pozharskii [Dmitry M. Pozharsky]. 2nd ed., corr. and add. M., 2018. 384 p.
- Golikov, I. I. Deianii Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatel'ia Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolzhennye po godam [Acts of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year]. M., 1840. Vol. XII. 620 p.
- Khalizev, V. E. Teoriia literatury [The Theory of Literature]. M., 2005. 406 p.
- Krasil'nikov, R. L. K probleme geroicheskogo v teorii i istorii literatury [To the Problem of the Heroic in Theory and History of Literature]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2010. № 2. P. 70–80.
- Kuznetsov, A. A., Morokhin, A. V. Istoriografiia opolcheniia Minina i Pozharskogo v kontekste izucheniia istorii Smutnogo vremeni [Historiography of the Militia of Minin and Pozharsky in the Context of Studying the History of the Time of Troubles]. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/opolch.pdf (mode of access: 12.01.2019).
- Sapronov, P. A. Fenomen geroizma [The Phenomenon of Heroism]. SPb., 2005. 509 p.
- Skrynnikov, R. G. Minin i Pozharskii: Khronika Smutnogo vremeni [Minin and Pozharsky: The Chronicle of the Time of Troubles]. M., 1981. 352 p.
- Zabelin, I. E. Minin i Pozharskii. Priamye i krivye v Smutnoe vremia [Minin and Pozharsky. Right and Wrong Men in Time of Troubles]. M., 1883. 329 p.

Olga A. Tufanova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

“NON-HEROIC” HEROES:

KUZMA MININ AND PRINCE DMITRY M. POZHARSKY

IN THE HISTORICAL NARRATIVES OF THE FIRST THIRD OF THE 17th CENTURY

Based on the analysis of fragments devoted to Minin and D. M. Pozharsky, it can be concluded that in the historical narratives of the first third of the 17th century authors practically refused to use evaluative epithets, comparisons, metaphors. The main way to create images were realistic motives for treasury fee, distribution of salaries, patriotism, effective charity, etc., traditional methods of heroization and poetry are not used. Most authors highlighted the idea of the unity of warriors and leaders, serving a great goal and noble behavior.

Keywords: Kuzma Minin, Prince Dmitry M. Pozharsky, realistic motives, methods of depoetisation and deheroization

